

ПРОМЧ

NOTA BENE

Промч

Nota Bene. Сборник стихотворений

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Промч

Nota Bene. Сборник стихотворений / Промч — «ЛитРес: Самиздат», 2013

Промч - это творческий псевдоним известного сетевого поэта и лидера одноименной группы. В сборник "Nota Bene" (что переводится с латыни как "обрати внимание") вошли произведения, написанные в период с 2007 по 2013 год. Стихи ранее нигде не публиковались.

Содержание

до	7
отрицаю	7
кого ты считаешь промчем	8
взаимозаменяемость	9
1, 2, 3	10
миротворцы	11
ажар	12
с головы	13
мне 22	14
смехом	15
que paradis	16
сон обещает	17
вместе год	18
лотерея	19
падежи	20
бром	21
робин крузо	22
мёд в моём теле	23
моссад	24
ножница	25
прага	26
говори ещё	27
par avion	28
хоспис	29
остаточное	30
луиза	31
смиф	32
как швы	33
нас_всегда	34
блефу-ю, -ешь, -ем	35
мой мёртвый	36
квиты	37
утро	38
слепота	39
стагнация	40
тссс	41
glen morangie	42
неформат	43
[девочка]	44
кто кого	45
мой экшн	46
мимо	47
за угол	48
последнее танго	49
отбой	50
прятки	51

без вести	52
голевой пас	53
в полный рост	54
считалка	55
приштина	56
барселона	57
велкам	58
театр сатиры	59
клон	60
1939	61
правильный след	62
копыта-хвост-чешуя	63
де факто	64
довольны	65
похищение европы	66
паскаль	67
выпад	68
sos	69
из двух зол	70
обмани меня	71
незвезда	72
ничего внутри	73
тесно	74
недалёкий рэп	75
игла	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

благодарю и_родом_из_эн. за те прекрасные 25 лет, кои мы счастливо провели вместе. посвящаю тебе все эти слова в знак глубокой благодарности. и с прискорбием сообщаю, что мы вынуждены с тобой расстаться с этого момента и навсегда с тем, чтобы радостно обнять друг друга на небесах. разрешаю тебе посматривать на меня оттуда.

благодарю эн. за то, что вопреки тебе эти слова беспощадно обрели во мне плоть и кровь, а также за то, что ты их никогда не прочитаешь.

очень тепло и нежно вспоминаю и благодарю эф. за то, что я увидела смысл в обнародовании этой книги – в следующей жизни, надеюсь, мы будем друзьями.

а также мои самые искренние благодарности и., эс., ку. и ях. за то, что у меня было время всё это написать.

спасибо эми за гений, близость и пример. покойся с миром.

спасибо зэ. за изящнейший и верный саундтрек к моей жизни.

спасибо а. за то, что разные часовые пояса не помешали твоим буквам и мыслям бывать со мной ночами – я очень ценю эту нашу связь.

и, наконец, самые заслуженные «благодарю» моим неизменно любимым пэ., эр., ми., ма. и па.

ДО

отрицаю

я отрицаю, что в каждом запряган моцарт и муссолини,
что каждый – ружьё у стены
(и когда-нибудь выстрелит), правдоподобность линий
на наших ладонях. и вещи сны.
любой поворот истории отдаю желтокожим сми,
как твои письма, свои сигареты – зубам огня.
так, отрицая, я познаю тот мир,
который изрядно познал меня.

КОГО ТЫ СЧИТАЕШЬ ПРОМЧЕМ

время признать тебя трусом. себя – врагом.
тормозить о столбы, газовать в кювет,
заиграться в борзую, уйти на гон,
превращаться в минус, сходить на нет.

и во всём оставаться собою, i.e. мудаком.
ты насыщен легендами обо мне, как лев
в зоопарке закормлен мясом. мне незнаком
тот, кого ты считаешь промчем. прости за блеф.

это, может, поможет на день, на два,
сбережёт от ненужных ссадин, пролитых слёз.
ты можешь хранить молчанье. твои права
тебе объяснили довольно чётко, вполне всерьёз.

ну а ты – в обход самых коварных схем,
словно тебя защищает вся королевская рать,
дразнишь меня вопросами «как?», «зачем?».
и я продолжаю нелепо с тобой играть

до первой крови (конечно, твоей) – неуместна жалость
к тем, кто танцует с огнём босиком на кинжалах.

ВЗАИМОЗАМЕНЯЕМОСТЬ

герой, твоя любимая кричит в моей постели,
пока ты рубишься с драконами в козла,
пока туристы в космос улетели,
и кем-то разворована казна.

я сдал тебя властям. и в пентагоне
не тушат свет уже вторую ночь.
пастух овец от леса дальше гонит,
я изучаю времена глагола “смочь”.

твоя любимая целует мне ладони,
ей непривычен ласк шальной итог.
все завертелось будто в лототроне,
и я нашел иглу, спалив весь стог.

историю слагают единицы.
твоя любимая – моя невеста.
в народе говорят, ты вовсе спился.
а я успешно занял твое место.

за сим прощай. до нового героя
мне надо многое успеть.

1, 2, 3

улыбаешься так, будто играем в прятки.
по тёмным аллеям, по бунину в пересказе.
снег неприлично липкий, свекольно-сладкий,
ты набиваешь им щёки. кураж-проказник

ведёт тебя той дорогой, к не тем дольменам.
я стар, как желание молодиться.
хочешь найти меня – дай изменам
свершиться – собрать тебе экспедицию.

а дальше играй по правилам: будь задирой,
джинсы, если мешают, разумно снять.
спокойствия – твоему дому, любимым – мира,
тебе – удачи... четыре, пять...

МИРОТВОРЦЫ

миротворцы – угрюмые мальчики цвета платанов.
пишут письма домой под перловые каши.
никогда не делил, но теперь, верно, стану,
мир на врагов, пострадавших и наших.

восточные женщины плачут иначе.
горячие точки вспухают на теле
пузатого глобуса. если вдруг начал,
то не заснёшь, медитируя в телек.

миротворцы – здоровые мальчики, старые дети.
взрывают эфир, заполняют «груз двести».
я раньше не думал, что между осетий
меловая линия, скверные вести.

у миротворцев на ужин взрывные пули,
отлитые в ближнем краю-побратиме.
сыграли в войнушку между двух стульев.
под одеялом.
а миротворцы? фиг с ними.

ажар

у твоих коней порваны уши, разбиты копыта.
ты ищешь меня в петербурге, зовёшь в брюсселе,
изучаешь предметы в музеях пыток.
без цели и страха, подтекста и цели.

люди меняют лица, теряют в весе.
июнь обещает много лесных пожаров.
раздвоенный хвост, многоликость – бесят.
гари оказался каким-то эмиль_ажаром.

или иначе: второго никто не ищет.
залегаю разумно и медленно, как черепаха,
не то, чтобы на второе дно, но на днище,
в самые дебри океанского паха.

рылись в моих вещах, продолжают рыться.
меня не сдают ни мосты, ни улицы.
но когда ты найдёшь меня, маленький рыцарь,
всё очень легко образуется.

С ГОЛОВЫ

зачатая бегом в июне, рожденная в марте,
тебя никогда не учили, что рыба гниёт с головы?
это правда. и амбулаторная карта
скоро покажет всё. хотя мы не новы.

я пишу тебе “выжат” и возвращаюсь с футбола.
платье падает на мостовую, падает в воду.
я вот так и не смог заглянуть под полы.
в наших играх всегда кто-то – вода.

тебя едят поезда, заглатывают большие змеи.
змеи цвета морошки, цвета свежей листвы.
тебя встречают моллюски, обручают пигмеи.
задумайся: каждая рыба гниёт с головы.

не то, чтобы я другой, я такой же грубый.
выхожу в домино козлом, вызываю бури.
не на “ты” с тобой, пересохли губы.
только что-то будет. с нами что-то будет.

мне 22

следствие проявило полное безразличие к моим годам.

каждое утро по десять капель экстракта слов.

щупаю нижние рёбра: а вдруг адам?

от меня невозможно уйти, но иным повезло.

подкупая итоги, добавляю ещё один год,

не сделавший меня ни вернее, ни злей.

я вообще не меняюсь, как антипод

дориана грея. среди полей

кто-то сажает детей

в полночь при полных лунах.

и если держаться вестей,

они смогут меня переплюнуть.

СМЕХОМ

осень не строже твоих замечаний:
я пью бульоны, ложусь в двенадцать.
нашей лодке никак не доплыть до причала,
а могли бы грести и смеяться-смеяться,

как делали раньше мои предки галлы.
устала от пафоса? ладно, сдавайся.
ртутная змейка критично упала,
и вот уже в лед превращается valser.

и вот уже страшно не спать – просыпаться.
твоё мне доверие – лучшее алиби.
шманая карманы, замерзшие пальцы
стыдятся: видно, только и знала ты,

что грести и смеяться.
смеятьсясмеяться.

rue paradis

ангел её сбережёт от моих подслащённых слов,
от надменного “тише”, от мрачного “подрости”.
и от уймы всего ещё. так похож на плов
снег, замешанный в октябре. узнаёшь мой стиль?

останется целовать её глубоко сквозь дым
стареющих паровозов.
на лютом морозе.
и ждать беды.

зима будет жестока к собакам и старикам.
ангел ее увезет в фекан.
в моих трубах зашевелится ска
и онемееет от одиночества.

обвинения в краже её весны – беспочвенны.

всё равно, что врать и не верить в своё враньё.
моя жизнь в яйце в сундуке, а ключ у неё.
и прогнозы на перерасход тепла плачевны
в доме, где каждый незванный гость – вечерний.

ангел её сберег, но пожертвовал мной.
даже если найдется дом на rue paradis,
меня остановят двое на проходной,
захлопают крыльями: мол, уходи...

у нее семья, дети, заботы, тоска.
и ключик на шее от моего сундука.

сон обещает

сон обещает быть крепким:
кривляли друг другу пруста,
играли в такую рулетку,
её называют здесь русской,

но с водяным пистолетом –
всех обвели вокруг пальца.
мне кажется, этим летом
каналы заполнит valser.

жизнь после людей возможна.
ночь ежевичным соком.
как змеи меняю кожу.
нет времени, значит – сроков.

мне хочется выкупить остров,
куда не ступал даже крузо,
забыть претворяться всем взрослым,
не ставши кому-то обузой.

такие мысли в двуспальной постели
меня посещают вполне успешно,
и сон обещает быть в самом деле
крепким и ярким. меня утешить
ангел родил тебя.

ВМЕСТЕ ГОД

наевшись пыли городов,
я не старею ни на йоту.
и до сих пор не сплю в метро.
хожу с охоты на охоту.
и всё ещё копаю ров

с тем, чтоб найти могилу моря.
европа ближе, не родней.
я так же нагло с небом спорю,
когда оно и я на дне.

мы вместе год. москва уже
по имени зовёт и помнит.
я всё таскаю в дом ужей
и просыпаю каждый полдник.

загривок в лете, нос – в смоле.
я не взрослею ни на йоту.
так пахнет щавелем с полей,
польнью, мёдом ещё в сотах.
мы вместе в год.

лотерея

я выиграл тебя в большую небесную лотерею,
пересёк с тобой линию фронта, полосу тыла.
я был тогда герой, я не старею.
хотя ты до сих пор мне это не простила.

то лето пахло рыбой, как теперь
голландцы с непрореженной щетиной.
я пил йеневер, грел тебе постель,
читал газеты, плакал с палестиной.

я был как Бог аккредитован в рай.
я так старался разменять бессмертье
на женщин, на табак, на синий лай,
что разменял.

падежи

я играю на понижение, когда твои гласные,
обливая картечью подушку, уходят вон.
получаю под дых. получаюсь такой же ласковый,
как твой первый давнишний. ещё «влюблён» -

показатель винительного падежа в моём случае.
времени проигрываю последний раунд.
твой рот обращается жалом; теперь ты лучшая
из тех, кто когда-то бросил меня в нокаут

как в тёплую реку. так учат держаться
воды и приличий – обязан за это.
ещё плюс за то, что с тобою ложатся
теперь только те, кто не видит рассвета –
все страхи мои.

бром

здесь время забито бромом. желаний – ноль.
дышится навзничь. все манекены беременны.
глаза наливаются кровью, по цвету – хной.
на детские сны нам не хватило времени.

зато хватило камней разбивать колени,
влюбляться в норвегию, объедаться снегом,
мериться, сколько и в ком оленей,
прыгать в постель вообще без разбега.

и везде оставлять следы, а потом улики.
не смелости занимать, а денег.
твой Бог не какой-то там многоликий,
а простой, извини, бездельник.

робин крузо

робин гуд отплывает последним рейсом на остров
под фамилией крузо в прослунявленной левой ксиве.
прощайте, шериф, беднота, cosa postra
и прочая дрянь. легкой дороги, see you.

вот и всё. пряный мальчик дождется-дотерпит
и залюбит до дрожи – от пятниц не деться.
ну а мне-то чего? я красивый и терпкий.
и совсем не стою на ногах, точно в детстве.

да и стою все меньше. не хватит на катер.
нету мне острова, Господи, нету.
да и вторник, среда, понедельник – не катят.
вот себя положив на тебя, словно вето,
я жду.

МЁД В МОЁМ ТЕЛЕ

я – лев, а ты – патока в моём теле.
жизнь без надежды, суда и следствий.
в раю, говорят, кто-то ждёт, как в постели,
как мама из школы в детстве.

я обязуюсь окунать слова в твоё имя,
как новорождённых – в купель.
револьвер приставляй аккуратно под родимым,
там, где кадык. и в метель

загоняй непридуманных верховых
в погоне за моей тенью.
окропи, наконец, чешую мостовых
кровью. как все хотели

видеть в тебе мессию, отца, пророка.
а ты – мёд в моём теле.
и нам на двоих одиноко.

МОССАД

мой дом перевернут вверх дном –
здесь кто-то искал тепло.
меня опровергло стекло,
не отражая всё зло
с моей безнадежностью в нём.

мой восьмой гном,
воображаю, что ты из моссад.
волосы – кофе, глаза – виноград.
кожа нежна, камуфляж грубоват.
нечем дышать. бессон

вечер тянет к утру.
твой голос хранится меж струн,
я необязательно вру,
что каждый в петле невесом.

а вода превращается в лёд,
твой профиль встаёт маяком.
во тьме каждый жест незнаком.
сушу крутит юлой, море – волчком.

время сегодня ждёт
восемь круглых часов
прежде, чем спустить псов.

НОЖНИЦА

словом, друг друга почти исчерпали.
мы порознь легко без причин засыпаем.
миловать-невозможно-за-это-казнить.
искры не даёт зажигалочка пьезо.

между нами такая тончайшая нить,
что я не найду, где разрезать.

прага

йозефов завтра сотрут с земли,
кафка не встанет уже с постели.
ты вообще не рождалась, ты – амели.
мы не пили с тобою на брудер, не пели.

вот еще один миф: прага к 6 утра
скорей верна голему, чем демократии.
пиво спасает от мыслей, абсент – в сто крат.
я обещаю понравиться твоей матери,

девочка без фамилии. девочка залюбименя.

календарь на стене обрывается пятым мая.
бредни всё это. только не прыгай во влтаву.
я тебе не герой, говорю, я тебя не поймаю.
говорю: я уже позади, я миную заставу

с полной горстью тоски,
с недоношенным белым флагом.
я тебе молюсь, я тебя прошу:
залюби ее за меня, прага.

говори ещё

расскажи мне, как спится на шёлковых простынях,
как красить ресницы, не думая о плаксивых днях.
как высчитывать калории на обедах,
что фитнес по четвергам, а английский по средам.

как тебя дурачит правительство про всяких шахидов,
а соседку по этажу зовут женечка или лида.
как она приходит на чай с печеньем и остаётся с тобой до утра.
что у тебя полное сердце, а у меня внутри дыра, дыра.

говори со мной исключительно о ерунде,
ведь уже очевидно: не быть беде.
и как на седьмой раз вы играете в морской бой,
как живущие на madison street тебя называли boy,

а в солнечные деньки, бывало, и dude.
и снова как всех нас дурачат, пока не убьют.
мол, всё, что осталось стрелку – передёрнуть затвор.
что твой шеф, несомненно, бессовестный вор.
а у тебя до сих пор хранится мой подарок на первое рождество.

от таких разговоров одни дуреют, другие сходят с ума.
третьи от них заражаются, будто они чума.
а меня преследует этот голос даже во сне:
все твои интонации, восходящие к «нет»,
протяжённость шипящих, не знающих себе счёт.
говори со мной снова. говори ещё.

par avion

влюблённая в ворох осенних клёнов,
шепчешь в ладони, сминаешь платье.
париж. полусонный таксист удивлённо
повторяет за тобой адрес. хватит

уже. поберегись.
цвета слоновой кости туман превращает в олово
слёзы. не залечу тебя самолётом назад.
как я хотел тогда твою голову
сжимать оголтело руками, ловить глаза.

и дождало за городом, север вползал в карман,
тебя доставало ужинать в тишине.
недоросшая ещё до глубоких ран,
даденная не Богом, а случаем мне.

потом за рассветом приближалась твоя печаль,
начинаясь крикливыми снами, холодным лбом.
ну а если ты продолжала скучать,
к обеду присоединялась и боль.

фасовали россию конвертами пар авион.
не спасали ни водка, ни молоко.
ты предпочитала играть с огнём,
нежели с детским «к тебе далеко».

а затем началась зима
неожиданней прошлых бед.
я не успел к тебе.
и никогда не успею.

ХОСПИС

врачи играют с тобой в молчанку, мой храбрый кролик,
кормят пилюлями какую неделю кряду.
ты мне расскажешь больше меня о боли,
я положу тебя в снег и останусь рядом.

волки будут носить нам брюкву, медведи – мёд.
мы заснём невозможно близко, и сладкий бред
станет ниткой в рубахе Бога. нас не убьёт
какой-то не тот лотерейный билет.

а теперь засыпай, пингвин, обо всём забудь
в своей сказочно-тёплой таинственной колыбели.
от неё прямо в небо разлит млечный путь.
это – дорога в вечность, и мы её одолели.

ОСТАТОЧНОЕ

лёд, приложенный к голове, теряет и вектор, и прежнюю силу.
а мне ещё хочется разможжить тебе череп.
хотя опоздал: твоя смерть как всегда подкосила,
сбила с толку. и я вот хожу только через

подземные переходы, чтобы не видеть автомобили.
знаешь, как страшно остаться в живых и метаться
как мальчик, забытый отцом в супермаркете билла?
я был таким тогда – дрожа, глотал metaх'у.

я и сейчас такой. твой старый ортодонт...
единственный тебя узнал в той горке мяса.
я пил тогда вино, я мямлил «don`t».
я ничего не знал. мне до сих пор не ясно,

как ты посмела без меня бежать.
когда мне жмёт весь мир,
он мне и раньше жал.

луиза

та сука ждёт щенят, пока я здесь.
пока я ранен, наголо острижен,
прописан в лепрозорий весь, как есть,
та сука... впрочем, где-то под парижем

тот дом, где я остался целым.
где молоко не стынет до утра,
где каждый верно дышит под прицелом
тугого солнца. травы от ковра

не отделить. смерть отравляет быт –
забрызганные простыни есть ад,
напоминание о нём. и я забыт,
пока та сука где-то ждёт щенят.

смиф

смерть – это миф. это то, чем пугают в детстве.
у неё нет запаха, нет симптомов.
мы ещё выпьем, когда бродскому стукнет двести.
смерть – это война и мир. третий том.

принято молчать как один, но тебя уговариваю.
смерть – это ласковый мальчик, солёный лоб.
смерть – это винт, сноубол и какое другое варево.
смерть – это как сейчас. смерть – это вовсе нет слов.

а пока ты пьёшь молоко, просыпаешь работу,
улыбаешься мне, несёшь всякий бред,
играешь в мальчишку, любишь субботы,
смерти нет для меня. и для тебя – нет.

КАК ШВЫ

думаешь, больно? тогда посмотри сюда:
прошитый какой-то влиятельной пулей

я тебе больше не сдался. была среда.

твой мегаполис превращался в улей.

снег всё не шёл, я упирался в сталь

немым лицом – придатком головы.

хотел тебе поводырем – не стал.

мы расходились, как наложенные швы

от резкого движенья. снежный ком

покорно таял в шахте пищевода.

я целовал тебя в висок виском

в последний раз. на площади свободы.

нас_всегда

чую тебя спиной, подернутой плавниками,
упрямым хребтом, равномерным подвздошьем.
жизнь превосходит кинутый в небо камень
и скоростью, и ударом. оставить в прошлом –

все равно, что оставить пиджак таксисту.
не похваюсь памятью на номера.
на перекрестке диастол-систола
регулирующий сбит насмерть. внутри дыра,

схожая с ней же в сухом колодце.
неоспоримость вреда алкоголя
нас вынуждает начать колоться.
мой циник давно породнился с горем.

убивая в тебе своего близнеца,
нахожу нас чужими, как будда и брут.
но по-прежнему чую изнанкой лица.
навсегда – это слово, которым врут.

блефу-ю, -ешь, -ем

апперкотом в постель со мною уложен

март.

финиш ещё, но уже невозможен

старт.

денег осталось на вечер
плюс взять такси.

крыть твои карты нечем –
без сил.

прошлого много. но гуще твоих

обид

постоянные боли, наркотики, мать их,

спид.

и это всё я, представляешь?

овец до ста

за ночь считаю трижды.

и так устал.

прошлого тени длиннее рельсов

метро.

по крови среди разномастных тельцев

гуляет тромб.

и никак не доходит до сердца.

МОЙ МЁРТВЫЙ

когда этому мёртвому в который раз снится,
как лето сплавляется по течению в осень,
как снег большие камазы привозят,
как по орлятам тоскует орлица.

как его мотоцикл пролетает по чьим-то птенцам,
как они умирают. как умирает он сам.
как его словами разжигают большой костер,
и хароном представляется билетёр.

он силится скинуть тяжёлые руки сна
и возвращается раньше. ещё весна.
из его планов возводится небоскрёб.
и вот ему снится: приходит его черёд.

и бесполезность денег, беспомощность докторов.
обезболенность сушит/ломает рот.
у лабиринта морфея ни дверей, ни ворот.
никогда не проснуться, не выйти, не избежать.

все, как один, по нему скорбят
бесконечно тоскливым “мне очень жаль”.
а я просыпаюсь.
и узнаю в нём себя.

КВИТЫ

ты больше не встанешь. я сяду. теперь мы квиты.
понятые, очные ставки, допросы.
спокойные ночи, обмененные на папиросы
«беломор». и кровью заляпан свитер.

одинокчество предприимчивей, чем хотела.
ты мне не снишься сороковой день кряду.
а снятся машины, клубы и автострады.
и опознание твоего тела:

её истерика, нашатырь, наконец, «узнала».
сломанный таксофон, деловитый почерк.
мои разговоры с Богом от ночи к ночи
добавляют страстям особенного накала.

а в целом я честно до колки довольна,
что всё получилось без криков и боли.
что воля внутри порождает неволю,
что мой адвокат – лоботряс-алкоголик.

что кончено. всё.

утро

после вскрытия весь мир возликует,
что яд попал изначально в мою слюну
от предутреннего её поцелуя,
который я невозмутимо сглотнул.

не угадают, как было вязко и сонно
ступать в меняющий запах душ.
зато ей припишут связь с пентагоном
и прошлое в мулен руж.

очень скоро ищейки из интерпола
испортят нюх о её следы.
а я буду спать отвратительно голый
в земле, не меняющей температуры воды.

слепота

утро проспит нашпигованный жестью будильник.
моё слово в каждом находит эхо.
люди мечтают, чтобы их полюбили –
я больше провала всегда опасаясь успеха.

радужку тренирую не отличать друг от друга
молибденовость ночи/электрические гитары;
зрачок – не следить за стрелкой, склоняющей к югу
север, в седирах скрывающий свою старость.

и чтобы слепой как крот, тупик или выстрел –
различал только взмах, а не цвет окровавленной тряпки.
от быка я хочу унаследовать «гибнуть быстро».
от людей – утверждения «всё в порядке».

мир слепых – это молочный привкус горячей кожи,
откровение бронзы, венчающей чью-то трость.
я уверен: за закоптелыми линзами можно
скрыть шрапнель неудач и исходную злость.

стагнация

продолжает писать мне: «тебя люблю»,
если это вмещается в смс.
продолжаю кончать под отменный блюз,
если это имеет какой-то вес.

начинаю предчувствовать пустоту,
ибо время почти выходит.
у неё начинает горчить во рту,
ибо горечь есть вкус свободы.

завершаю роман небольшим костром,
т.е. дань отдаю бумаге.
завершает искать себе новый дом,
т.е. найдя почитателя в праже.

неохотно ложимся в одну постель,
засыпаем, боясь признаться,
что кончилось время для новостей.
и началось – для стагнации.

ТССС

когда тебе больно до крика, а потом замолчи... тссс!
так не умеет выть ни одна из волчиц.
чувство, у которого нет берегов, нет границ,
зато несравненно много оттенков и лиц.

ты уже мечтаешь перевалить за отметку края,
тем самым признав, что ничуть не иная,
вытащить себя из себя хрипотой и лаем.
так ты кончаешься, а я начинаю.

glen morangie

беспомощностью к тебе пропитываться сквозь сон.
никогда не найду согревающие слова.
новый год, проступающий соком, так невесом...
и понятен, и сладок, как дважды два.

опасения края извечным «всё хорошо»,
улыбаюсь, как раньше бывало давным-давно.
и тоскую по временам, когда ты пришёл.
так прозрачно, что скоро увижу дно.

разбиваешься чайкой о ломкий проём окна,
барабанят в ушах неуёмные перепонки.
боль опознана вереницей «иди ты на»
будильникам/утешеньям. колюче звонкий

голос ложки, вмещающей сахар в чай.
в тон сминаемому в руке письму.
до скорого никогда. надеюсь, что будешь скучать,
прописывая в минувшем тьму.

позвоночник тyani, как кошка, навстречу льду.
наше предназначенье спит головой к востоку.
я бегу туда, куда никогда не приду
хозяйски небрежно. ни раньше, ни позже срока.

обожествление не выходит из головы,
ютится в коробке с пафосным glen morangie.
допрыгнем до потолка, перейдём на «вы».
я никогда не забуду, как пригубляется жизнь.

неформат

она утверждает, что каждый наш поцелуй
распечатан в формате А3.
и вроде никто не видел ещё,
но ты рискни – посмотри.

и когда улыбаться давалось едва-едва,
она утыкалась в точку над “i”,
мысленно превращаясь в формат А2.
ну, никто не видел ещё – смотри.

подругам напевала, что временный брейк
ею придуман, предложен – и все дела.
не вода, мол, из крана, а вечный рейв.
затем так вздыхала, будто давно ждала

такого как я – свою лучшую из половин.
ей повезло, как ветру на высоте моста.
мои редкие появления, залитые в А1,
довелось лицезреть сотне людей из ста.

домой возвращалась ускоренно как йо-йо,
доставала из шкафа бритву и чёрный зонт.
гостям непременно бросала, что всё моё,
а потом не провожала. за горизонт

под пристальным взглядом катилась точка над “i”.
мне раньше думалось: нам не хватило перца.
а оказалось – прозрачных стен из слюды.
одежды прикрыться, а не согреться,
формата А0 и высокого рейтинга.

[девочка]

из-под палки бегут лоси
в незнакомые города.
[девочка] лучше бери такси,
чтоб не успеть никогда.

долго петляй во тьме
с востока на самый юг.
и навигатор не смей,
лучше используй нюх.

верь, что в жести вино,
а значит – Христова кровь.
нащупай такое дно,
чтобы не видеть снов.

не пристегнув ремень,
мечтай о кюветных рвах.
и знай, как отбросить тень
на суть своего естества.

путаай следы слюной,
полной идей-отрав,
и претворяйся хной
или стогами трав.

дырявь себе пальцем грудь,
прикуривай у тиши.
и, наконец, забудь,
что было, куда спешить.

КТО КОГО

знаешь, малыш, время – это большой питон.
раньше я грел себе молоко,
а теперь прошу тебя сменить тон.
и мне не совсем легко.

время нас поглощает, как всё вокруг.
представь себе большой дом,
вот только от моих рук
пахнет вскипевшим льдом.

денег стало так много, что перебор.
всех интригует их статус вич.
том сойер так долго красил забор,
что травку забыл состричь.

время играет со мной в «кто кого».
ты вырос из своих кед.
всё обращается в статус кво,
в количество собранных лет.

и нам не по возрасту брить виски,
шататься всю ночь до утра.
то чувство, что мы оголённо близки,
меняется преданным “брат”.

зато улыбаемся всем лицом,
всей мощью своих карат.
пространство сжимает нас плотным кольцом.
и это уже не мкад.

МОЙ ЭКШН

для девушки твоего характера-возраста-положения

семью не заменит даже роман со мной.

как ни скрывай, это печально. регресс движения

называется остановкой.

твой экшн – это пелёнки, кастрюли, быт.

а мой – по-прежнему виски, теперь двойной.

и каждой придумать рифму, потом забыть.

злость на тебя выходит басовой струной

через столб позвоночника.

МИМО

случилось тебе проходить меня мимо?
просыпаться в моей постели? с кем не бывало.
и скучать по мне идиотом – почти терпимо.
и орать: много яда, а секса – мало.

так бывает со всеми, кто следует моде:
сегодня макси, а завтра – мини.
ну и что так орать? ничего не выходит
с женщинами? да ну и черт с ними.

за угол

интерес – вот где мёд в наших сотах,
полнокровность которого обусловлена тем,
что свобода трактуется спешкой кого-то
к кому-то. при всей простоте

утверждение истинно – в этом беда.
не поверишь – укромнее одеяла
ложился уставший мой голос тогда
на город, который сумятица смяла

в крутое яйцо. прозорливостью дней
казалась законная смена сезона.
и те, кто кичился воздушностью змей,
следили за ровностью чьих-то газонов.

тарифы на небо росли, падал свет
на трусость расстаться чужими, по сути
не ставши родными. как не было – нет –
в схожденье нужды. превращаемся в судей

друг другу. итог аксиом –
нерушимость, заброшенный улей.
печаль, воплощенная в том,
что бежишь, отличимый от пули
лишь возможностью свернуть за угол.

последнее танго

о чём речь вообще? ты не видел её под рубахой.
этот нелепый факт даёт мне смешную фору.
когда засыпаешь с ней – у неё глаза больше, чем у любого страха.
а потом до неё не идёт ни один здешний скорый.

ты не знаешь этого. о чём с тобой говорить?
не знаешь, как играет её сердце в кулак,
замолкая настолько, что мясистая нить
рвётся в твоих руках, дурак.

вот так мы взяли и прошли рядом друг с другом, мимо.
латиница её слов льётся сквозь руки гангом.
такой чёрно-белый не очень удачный снимок.
мы с ней в парижке. и никакого последнего танго.

отбой

на брутто не хватит цезаря, на нетто суда нет.
мама, мне страшно не родиться гением.
да и как мне родиться? куда мне?
я уже показался. красивый? ну, более-менее.

мой кровепровод будет ещё артерией города.
мёртвое море внутри обрело покой.
ты сейчас встанешь-уйдешь. охуген-но гордая,
что койка нас не сроднила, что я никакой.

таксист обгрызёт удила, но не тронется с места.
капли из носа на кафель – твой красный рот.
ну что тут раздумывать, город? кради невесту.
я пересек эту лету и брассом, и вброд,

но не полегчало. тротил укрощаю. и в клюв
поломанной птицы его загоняю с лихвой.
девчонка сбежала. теперь все спокойнее сплю.
кукушка с часов с полным ртом объявляет отбой.
я не слышу.

прятки

греть кошек на сердце, плясать под дудку
кого попало, кормить огонь своим бредом.
не считаться твоим любимцем (которые сутки)
сидеть напиваться с покойным соседом.

не делать вообще ничего. болею.
учусь стрелять из простой рогатки
по фонарям. я не стал смелее.
хожу на курсы шитья, на прятки.

тебя по-прежнему нет, как славы.
вчера познакомились с твоим мужем
в одном борделе. он, в общем, славный.
но мне от этого только хуже.

без вести

пропавший без вести там,
где находится любой мёртвый,
а на чужое «отдам»
бросается каждый четвёртый,

мои мысли и боль встречаются в одном русле.
и я бы врагу не желал своей грусти.
в моей голове, налитой брусничным соком,
с запада суховей, муссоны – с востока.

под напряжением каждый грамм,
и вряд ли дойдёт до шага.
так плотно застрявшему там
нужнее всего отвага.

навечно запаянный в прошлом,
не оккупант, не заложник.
а нечто, как часть интерьера,
среди неслышанных слов и беспочвенной веры.

голевой пас

британцы скорбят, размывая всю боль
по сереющим полосам автобана.
мне плевать на британцев, но что-то с тобой,
что-то не так... и мне странно

попытки полётов из резких падений
и душные ночи верёвкой на шее.
ты меня оставляешь; я, видно, не гений.
а рваные раны – попробуй зашей их.

не хочешь? не стоит. гуляю по шпалам
и носом в осоку ночью на поле.
трагично?! да что ты... с английским накалом
британцы скорбят. промахнулись в футболе.

В полный рост

до колик сердца нарушая путь,
бежать к тебе, срываясь к шоку трижды.
дрожит в зубах. давно не продохнуть...
какой тут флирт? теперь бы выжить...

июнь дробит межпозвонковый слой,
июнь нахально стелет мне гортань.
он любит шлюх, он воровато злой.
а я люблю одну. и грубым «перестань»

ему кидаю сочный повод вдруг
уйти, оставив середину где-то.
так судорожно лгал: она мне друг.
так ядерно хотел и не дожил до лета.

твой город серо-прост
и мал настолько, что я касаюсь неба,
вставая в полный рост.

считалка

четыре, три... и ты не хочешь больше считать
дохлых рыбок в этой бездонной чаше.
девальвация – слово от дьявола, значит опять
ничтожно мало, что могло бы быть нашим.

это кто-то сфальшивил, сломался. кто?
когда межгород – сдутый спасательный круг,
когда только кровь, там, где должен ток
по проводам. когда вдруг

солнце режет глаза до слёз.
и я в мадрид – загонять быков,
а ты в какой-то там окский плёс.
мы молились до языков,
стёртых о зубы. не помогло.

приштина

переулками до проспекта, а там напиться.
находиться где-то и быть искомым –
разница. кто вязал на спицах
молоко в мой кофе, бывает дома

по утрам. и в ванной читает фроста.
герои сидят на стероидах + диете,
выживают из собственного ума и роста;
на героев пытаются походить все дети.

но, походя, пробуют страсти под коксом.
а после: весь мир – неплохая сепия.
хочешь быть гением – занимайся боксом
и зацени, что отколола сербия.

у героев такой гонорар, что тебе не снилось.
я в прошлом из них, но теперь в завязке.
одного не пойму, объясни на милость:
почему потянутая когда-то связка
так мешает дворами?

я пялюсь в зеркало
и заносу кулак...

барселона

в воздухе пахнет корридой – игрой вслепую.
падать нестрашно – стеклянные лица трав

отрицают меня, как стена отражает пулю.

ниоткуда является странный мальчишка-стафф,

и всё очевидное становится невероятно.

чужая кровь не даёт ни сна, ни особой силы.

моя рубаха – пособие въедливым пятнам,

поражение тайда по полной. а ты просила

завязывать с этим большими морскими узлами,

учиться быть проще, понятнее, веселее.

завести в доме детский смех вперемешку с лаем

дворового шарика, имя твоё лелеять.

вместо – город стекает в ботинки, и ты сбежала

туда, где в воздухе пахнет рыбой. хорош улов!

я каждую ночь люблю тебя неумело, давлю на жалость,

спасаю рогатых. и мне не хватает снов.

Велкам

внутренне знаю: со мной справляется улица.
ускорение неба рассчитано до утра.
лёгкие тяжелеют тем, что табак не курится.
решаю отказаться от своих прав.

один к одному: только бросаюсь драться,
снимаю штаны, покупаю шприц –
ниоткуда являются папарацци
на моё стервнейшее из всех лиц.

даже купленная за углом нина
просит читать ей вслух.
кролик смеется, когда я стреляю мимо,

не сумевши выбрать из двух.

а я помню твое плечо, просто память тела

не желает считаться с моими табу.

цена на поэтов заметно взлетела,

победив алкоголь, пистолеты, траву.

смотри-ка: всё движется по спирали.

не только деньги путешествует из рук в руки.

мне гораздо спокойнее думать: «тебя украли»,

нежели «ты сбежала к какой-то суке».

хотя даже победа всегда равноценна сделке.

уходишь? пожалуйста. следующий – велкам.

театр сатиры

нет ничего в том, чтобы плакать с глазу на глаз –
никто не откажет мне в моих ранах.
если он снимает тебя в шератон палас,
удивительно, что ты говоришь о подъёмных кранах,

о которые спотыкаются глаза вечерами
в каком-то там бутово в съёмной квартире.
поселяю тебя в единственно подлинном грамме,
купленном мною у театра сатиры.

ты можешь быть хуже старых актрис и собак –
кажется, вот не дышишь. потом – показалось.
ничего странного: говорю, что иду в кабак,
и ловлю такси до площади трёх вокзалов.

КЛОН

ты – клон моей подлости. калька из калек.
на передовице воскресной газеты
вас находили, хотя не искали,
в приличных отелях. вы полураздеты,

пьяны и довольны. и, кажется, вместе.
четвёртые сутки, восьмые недели.
ты спишь на мансарде в разобранном кресле,
грозишь мне разводом, имущество делишь.

меня нарекают «кретином» соседи,
пока он меняет на доллары баррель,
пока ты мутируешь в миссис и леди,
пока я штурмую ближайшие бары.

а помнишь, когда-то мне прочили славу
высоцкого, бродского, кафки и чёрта.
ты проявлялась во всех этих главах
моих эпопей. независимо чёрной

казалась нам ночь. в середине финала
ты что-то такое печальное знала,
что плакала, всё мне всегда разрешая.
ни бедность, ни молодость нам не мешали.

но время всё вышло в абсурде, попойках,
моих путешествиях в койку из койки.
ты – клон моей подлости,
но до меня тебе далеко.

1939

на голой площади, где не осталось птиц,
кто-то, смотрящий предельно вниз,
стоял у стены параллельно скоплению лиц
и каждому рядовому шептал: промахнись.

оставалось состроить планы на новый год
с решением Бога. лежащему у стены
было чертовски холодно. шла в расход
вторая обойма. я собираю сны.

каждым живущим отныне владеет страх.
письма вскрывает невидимый комиссар.
если бы знала, как в этих ночных кострах
корчится от досады сартр.

я засыпаю в ритме солдатских пли.
твоим маякам недостаточно парохода.
и я клею бумажные корабли,
дожидаясь тысяча девятьсот сорокового года.

правильный след

в обожженное горло втекая спокойно,
раздирая ещё не зажившие ранки...
чудо было бы чудом, когда бы не пошло,
обагрившее доски чужой коммуналки.
и пока очевидно: так надо обеим,
чтоб наутро по разные дни баррикад.
питер маленьким янки бордово робеет
новым солнцем. а мне леденеющий мкад
очень нужен, чтоб было куда не вернуться.
и лечиться... хотя я не верю врачам.
я всё вижу, как рвутся, натянуто рвутся
между нами последние нитки. и чай
будет утром из разных небьющихся чашек.
истерить не хочу, но по разным домам.
всё, что было когда-то единственно нашим,
расплескав для подростков, их кошек и мам
очень ало – как повод для свежих газет,
кинутых в почты широкий карман...
белым-белым очертит мой правильный след
на земле молодой капитан.

КОПЫТА-ХВОСТ-ЧЕШУЯ

ничего не хочу знать о том,
кем занят твой вечер, чем задан тон,
как нам было явно, что потерять,
и я перешел с voulez-vous на ять.

ты непременно ставила на zero,
я разбивал то место, где вырос рог,
а затем копыта-хвост-чешуя=
я наконец-то стал походить на Я.

и как тебя осенило вдруг поутру,
что сквозь меня черти нашли дыру
в мир, который почти на дне.
и дело точно теперь во мне.

ничего не хочу знать о том,
кем признан твой ум и запачкан дом.
мои дела поважнее такой фигни.
черти с тобой. и дело теперь не в них.

де факто

дни растворяются сахаром в уличном чае.
думаешь, история возвысит твоё отчаяние?
скорее, запомнит ростовку, цвет глаз и профиль,
любимый сорт женщин, яблок и кофе.

и по фактам ты выйдешь обычнее всех живущих,
не выделишь из толпы, не отфильтруешь из гущи.
хотя сейчас мы видим тебя остервеневшим Иудой и брутом.
тут дело не в тридцати монетах,
не в ослепительности момента,

а именно в этой конкретной минуте.

ДОВОЛЬНЫ

всё же это где-то должно остаться:
под мраморным настом метрополитных станций,
в прогрессии увеличения дистанции,
в латиноамериканских танцах.

в ча-ча-ча запрятым между слогами.
в чемоданах с гранатами, кейсах с деньгами.
в моно-, сверх– и какой другой полигамии.
у шарлатана в кармане, у честного под ногами.

где-то остались имя и прошлый азарт.
и то, и другое моё. читать по глазам
нас вынуждают высокие радиоволны.
ты там не парься, Господь, мы всем довольны.

дышим тем, что нам подсыпают в воздух.
особо строптивые – тем же, но через марлю.
и те, и другие – почти в одинаковых дозах.
отдаём голоса то Тебе, а то дарвину.

нас допускают только до этого выбора,
будто у нас черепа изнутри выбриты.
байкал аккуратно перенесён куда-то под выборгом,
а реликтовые леса как несогласные вырублены.

небо в морщинах от бесконечных Ту.
куда ни кинь взгляд – уже пересёк черту.
куда ни кинь слово – оно отпружинит в тебя.
куда ни засунь календарь – конец октября.

зверски знобит после пустынного лета,
но никто не решился пока на наречие «больно».
где-то должны ведь храниться имя моё, и азарт, и подобное этому.
ну Ты там не парься особо. мы всем бесконечно довольны.

похищение европы

ты проиграл не зевсу, дурак, а ветряной мельнице.
у меня выпадают зубы каждую ночь.
вот она мнётся перед тобой – никогда не изменится –
«я ухожу от тебя, забираю дочь».

а как карты, стволы – не было мне дилемм.
я был должен её украсть – не иначе.
добычу не кормят с рук, но добыча с тем,
у кого заломлен приклад – на удачу.

на руке звезда – это джаст фор фан.
нет таких давно – я же чую след.
пять в кармане дней, не осталось стран.
нет её нигде. и со мною нет.

паскаль

мимо непричастности к тебе, мимо мельниц,
мимо причалов, мимо заметок про босха.
мимо пули, диспансеризация, мимо верность.
мимо доков и мимо дома из воска.

меня апробирует лето на свежие раны.
кончай с этим небом, я видел его изнутри.
самолётик скользнул, я сжимал кулаки по карманам.
и ничего не случилось. горшочек – вари.

от её имени вяжет во рту и ломит в груди.
я его мял в ладошке, едва ласкал.
париж не приучен рвать, он располовинил,
прожевал, не глядя, тебя, паскаль.

ничего от нежности, суть – скандалы.
у неё нет запаха для меня, нет места.
её пьяный рот, неприлично алый,
не влечёт ещё. и не будет.
честно.

ВЫПАД

ты пахнешь снегом – выпадом сезона,
моими поражениями в лото.
ещё бензином, духотой промзоны,
досадной новизной пальто.

приметы к одному: похолодало
в постели, разделённой на двоих.
все пули – бумеранги. мне досталось
от выстрела вчерашнего. затих

испуганный трамвай в истоке парка.
тебе идёт измена, как мне шрам
на шее. день остался жарким,
я через санту вещи передам.

ему – успехов, мы едва знакомы.
тебе – всего, что было раньше здесь.
вот осень на краю законной комы,
и я закончился. почти что весь.

SOS

ни грамма сомнений – пластилин налип на карманы.
жизнь катится как трамвай – под безупречный откос.
когда ты подо мной, как ткань под открытой раной,
я – океан, не пропускающий сигнал sos.

твоим маякам подменяют координаты,
они находятся на перекрёстках, как светофоры.
тебе следует чувствовать себя виноватой
за принятые от меня форы.

следует остервенело сдаваться многим.
следует – значит следуй дорожным знакам.
твою тайну неумело скрывают ноги,
а мою – рёбра – нелепые архипелаги,
затонувшие в северном море.

ИЗ ДВУХ ЗОЛ

всё закончится раньше, чем мы ляжем спать –
город вывернет кожей вовнутрь.
от воды отходящий душок естества
подтолкнёт нас к тому, чтобы быстро уснуть.

и окажется – нет ничего на дне мира,
кроме кем-то когда-то забытых вещей,
из которых сложили мишени для тира,
волокон для руна и дома для мышей.

от пятиструнной скрипки режет слух
тому, кто призван мерить по шаблонам.
мы выбираем не из всех – из двух.
суженьем зол природа благосклонна

к людской невзрачности. и в терпком круге сна
я смутно понимаю, как сильна она.

обмани меня

что у нас на сегодня? антисемитский митинг?
встало метро, лифт или опять каширка?
торнадо над домом? случайно летишь на гаити?
у киношников кончилась плёнка? тебе паршиво?

заснула в метро? нехило помяла бампер?
племянник в больнице? брат в мусульманской банде?
таксист перепутал северо-запад с востоком?
и, не дай Бог, на работе кого-то убило током?

мигрени? усталость? проблемы с иммунитетом?
мы не то, чтоб не встретимся завтра, не встретимся летом,
ни в високосный год, ни на исходе века.
твоя ложь наполняет сухую реку.

мы не встретимся никогда. по закону мёрфи.
я – минотавр твоей черепной коробки.
там, где слово становится мёртвым,
поезд не делает остановки.

как это: сквозь кварталы, людей и спутники наса
найти меня и не найти для меня часа.

незвезда

в следующий раз встретимся в животе у кита
в артериально-нейтральных водах.
наш новый мир ото рта до хвоста
можно считать свободным.

не прикрывая исходную спесь,
ты примешься мерить жилплощадь.
а я почему-то уверена: здесь
мы станем красивей и проще.

измененья не следуют как поезда,
преднамеренно путая стрелки.
ты как и там, так и здесь не звезда,
а мерцающая горелка.

и я принимаю как ванну тот факт,
который почти меня губит:
если не здесь, то нигде и никак
некрасивые люди
красиво не любят.

ничего внутри

если у тебя под сердцем гвозди и битые стёкла,
и кошки устроили кошкин дом,
я могу показаться вначале чуть тёплым,
и даже вполне потом.

ты можешь любить наши ночи и ноги
гибко сплетать в косу.
и даже моим бестолково немногим
заполнить весь смысл и суть.

но никогда не влезай в мой череп,
под рёбрами не смотри.
ты знаешь: там, в самом деле,
нет ничего внутри.

ТЕСНО

декабрь приходит едва замороженной клюквой.
в моём мире ни снега, ни искр.
я не напишу тебе больше ни буквы,
даже – не подмахну диск.

нам с ним тесно как двум планетам
на одной обветшавшей орбите,
как солнцу – с искусственным светом,
как разным придворным свитам.

как двум поездам на двух рельсах
в какой-то точке от а до б.
как корню в слове «разбейся»,
как в чьих-то руках – звезде.

тесно, что не споёшь на выдох
голосом, что когда-то был звонким.
а я не хочу играть в эти игры.
и участвовать в этой гонке.

недалёкий рэп

улыбается прямо, смотрит искоса.
вопросает: «что не выбрит, не выпался?»
мы поделили планы, друзей и пса.
ещё удивляешься, что не выпался?

мой адвокат, привыкший спасать воров,
деловито осведомляется: «ну, готов?».
я закашлялся и кивнул.
вырос. и уже не пишу про войну.

не цепляюсь к прохожим, не матерюсь.
никоим образом не ускоряю пульс.
было, начал в церковь захаживать.
вскоре признал церковь бизнесом-лажею.

и вот судья спрашивает её о причинах.
она ему пафосно: «он вообще не мужчина».
откуда-то справа слышится смех,
она продолжает: «он вообще-то из тех,

кто вечно не в духе: и глух, и слеп.
бубнит под нос свой недалёкий рэп.
от его друзей несёт пивом и нищетой,
они к нам заходят как лошади – на постой.

ложится спать в пятом часу утра
и утыкается в стенку, жене не рад».
так нас разводят скорее троицкого моста,
не разделив зёрна от плевел, не досчитав до ста.

я без проблем перерос собственный же фантом,
а она продолжает ужесточать свой тон.
через час – мы гурьбой на улицу, как из загса.
я так и не начал с ней огрызаться.

она садится в машину, я – до метро пешком.
промолчал потом до утра – в горле липкий ком.
и ничего не вынес нового из вчерашнего.
встал – отряхнулся – осел – откашлялся.

выбросил бритву, затем будильник.
я не стал ни более умным, ни шибко сильным.
вообще, ничего не меняется год от года.
это сама суть жизни, её природа.

игла

почему ты не пишешь мне и никогда не звонишь?
а если нас стравливает метро, то сливаешься с каждой из мраморных ниш?
почему всё изломано в мире и правильно на войне?
успокоение приходит не в сексе, а в крепком сне?

почему все кумиры обращаются в пепел, золу и крыс,
исключая тех, кто в удавку, петлю, карниз?
словно мёртвый всегда красивее, чем живой...
почему твой подъезд вечерами пахнет травой?

и на кой все красавицы знают о своей красоте

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.